

вом, нет оснований полагать, что «естественная» выборочная ротация кадров, которая применялась до и после террора, была менее эффективной с административной точки зрения, чем репрессивная кадровая революция. Политические интересы Сталина в этом, как и во многих других случаях, нет оснований смешивать с интересами развития страны.

Дети войны: положение и стратегии выживания беспризорных и безнадзорных детей в СССР. 1942–1948 гг.

Елена Зубкова

Children of war: living conditions and survival strategies of orphans and homeless children in the USSR, 1942–1948

Elena Zubkova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Советская повседневность послевоенных лет имела свои отличительные приметы, связанные со следами минувшей войны. Рост детской беспризорности – явление из этого ряда. Дети войны – потерявшие родителей, оставшиеся без крыши над головой, бежавшие из детских домов или посланные семьёй на «заработки», – они колесили по стране, кто зачем: в поисках родственников, хлеба или просто вольной жизни. Кормились чем могли и как умели: что-то продавали, иногда воровали; часто, чтобы выжить, им оставалось только одно – просить милостыню. О положении беспризорных и безнадзорных детей в СССР во время и после Второй мировой войны, об организации социальной помощи и работе детских учреждений написано уже немало¹. В данной статье проблема детской беспризорности рассматривается в контексте социальных девиаций, прежде всего нищенства и бродяжничества. Как дети попадали в группу риска, выстраивали индивидуальные стратегии выживания, какие механизмы социальной защиты и формы устройства нуждавшихся детей использовало государство и насколько эффективно они функционировали – эти и другие вопросы находятся в фокусе данного исследования. За точку отсчёта взят «военный» 1942 г., когда в СССР был организован централизованный учёт

© 2016 г. Е.Ю. Зубкова

¹ Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136; она же. Без семьи: сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 82–87; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица. 1940–1985 гг. М., 2008. С. 35–59; Славко А.А. История беспризорного и безнадзорного детства в России (конец 1920-х – начало 1950-х годов). Чебоксары, 2012; Fürst J. Between salvation and liquidation: Homeless and vagrant children and the reconstruction of Soviet society // The Slavonic and East European Review. 2008. Vol. 86. № 2. P. 232–258; *idem*. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford; N.Y. 2010; Green R. «There Will Not Be Orphans Among Us»: Soviet Orphanages, Foster Care, and Adoption, 1941–1956. Diss. Chicago, 2006; Kibelka R. Wolfskinder. Grenzgänger an der Memel. Berlin, 2003; Kucherenko O. Without a Family: Public Order, Social Welfare and Street Children in the Wartime Soviet Union // Australian Journal of Politics & History. 2012. Vol. 58. Issue 3. P. 421–436; и др.

детей-сирот, в качестве конечного рубежа выступает 1948 г., обозначивший постепенный спад послевоенной волны детского бродяжничества и нищенства.

Статистика детской беспризорности

По-видимому, мы никогда не получим точных данных о том, сколько сирот осталось после войны, сколько детей в силу разных причин нуждалось в опеке и помощи, сколько нуждавшихся так и не смогло её получить. Достоверной статистики не существует – в силу несовершенства системы учёта и её ведомственной разобщённости. Установлением наличия и количества беспризорных и безнадзорных детей занимались в сфере своей компетенции органы милиции, просвещения, здравоохранения и исполкомы местных советов. В 1942 г. была создана централизованная структура – Центральный адресно-справочный детский стол, а также открыты адресно-справочные детские столы в областях – они собирали сведения о детях, оставшихся без родителей, и формировали картотеки. Однако учёт был поставлен плохо, главным образом потому, что информация о детях-сиротах поступала в адресно-справочные столы нерегулярно и не в полном объёме. Как констатировали проверки, организация такого учёта являлась одним из наиболее слабых мест в работе данных учреждений². В некоторых областях в течение долгого времени систематическим учётом вообще никто не занимался. Согласно данным по Молотовской обл., например, «дети-сироты выявляются *случайно* (здесь и далее курсив мой. – Е.З.), когда они либо сами приходят в отделы народного образования, или райгорно получает заявление от соседей и других лиц, знающих о сиротах»³.

По оценке МВД СССР, в 1948 г. детей-сирот, подлежавших учёту в Центральном адресно-справочном столе, насчитывалось 2,5 млн⁴. Однако эти данные были неполными: в его картотеку не включали, например, детей, сданных в детские учреждения матерями-одиночками или многодетными родителями, а также сирот, не потерявших связь с родственниками. Как полагает М.Р. Зезина, общая численность детей, лишившихся родительского попечения, в те годы приближалась к 3 млн⁵.

Судить о масштабах детской беспризорности и безнадзорности за более ранний период можно на основании данных о задержаниях органами милиции детей и подростков. При этом надо учитывать, что некоторые из них в течение года задерживались неоднократно, а другие и вовсе не попадали в поле зрения милиции. Всего в 1944 г. её территориальными и транспортными органами были задержаны 1 173 668 детей, из них 432 898 беспризорных и 740 770 безнадзорных, в 1945 г. – 1 207 286 (417 848 и 789 438 соответственно)⁶. Дети и подростки попадали в приёмники за разные виды правонарушений – бродяжничество, торговлю, воровство, нищенство и др. При беседе с ними выяснялось, что главными причинами, толкнувшими их на улицу, вынуждавшими промышлять нищенством и воровством, являлись тяжёлые

² РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1533, л. 113, 197.

³ Там же, д. 1508, л. 154.

⁴ Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот... С. 128.

⁵ Там же.

⁶ ГА РФ, ф. Р-9412, оп. 1, д. 97, л. 70.

материально-бытовые условия семей, сиротство, отсутствие контроля со стороны родителей и школы.

Бедность и потеря родителей, безусловно, стояли на первом месте среди причин детской беспризорности и безнадзорности в военные и первые послевоенные годы. Но нельзя недооценивать и причины второго порядка: за годы войны ослабли узы семейного воспитания, кроме того, десятки тысяч детей, не обучавшихся в школе, оказались вне её поля зрения. В некоторых районах, особенно на бывшей оккупированной территории, очень долго учебные заведения просто не работали, либо их, уже восстановленных, на всех не хватало. Иногда дети не могли ходить в школу, потому что вынуждены были зарабатывать на жизнь себе и своей семье. Случалось, что они не учились, поскольку пойти на занятия было не в чем, т.е. в силу той же бедности. Кого-то отчислили за неуспеваемость и нарушение дисциплины. Многие дети за годы вынужденного «отлучения» от школы просто отвыкли учиться. После войны туда пришли «переростки»: за парту в 1–3 классах сели дети 12–14 лет. Удержать их в учебном заведении, дать образование и увести с «улицы» было непростой задачей. У сирот, не получивших стандартного образования, потом возникали проблемы при переводе из детдомов в ремесленные училища или при устройстве на работу. В результате, по мнению экспертов и практиков, занимавшихся проблемой пребывания детей вне школы, «сплошь и рядом» создавались «резервы беспризорных, безнадзорных детей и несовершеннолетних преступников»⁷.

Дети «устроенные» и «неустроенные»

К группе риска относились прежде всего *неустроенные дети-сироты* – кого не определили в детский дом, не передали на патронат, под опеку или не усыновили. По данным милиции, они чаще других вынуждены были бродяжничать, заниматься нищенством, торговлей и воровством⁸.

В годы войны устройство осиротевших детей проводилось в чрезвычайных условиях⁹. Расположенные в тыловых районах детские дома не могли вместить всех нуждавшихся, а новые заведения создавали наспех, где придётся – в бараках, крестьянских избах, заброшенных зданиях. Они были похожи на временные пристанища: не хватало всего – одежды, обуви, посуды, но в первую очередь – еды, даже по скудным нормам военного времени. За годы войны сеть детских домов в РСФСР выросла более чем вдвое: до войны – 1 661 воспитательное учреждение (187 800 детей), в конце 1946 г. – около 3 568 (354 400)¹⁰. В том же году 351 139 человек находились на воспитании в приёмных семьях, из них 161 905 – на патронате, 143 615 – под опекой и 45 619 детей усыновили приёмные родители. По сравнению с 1940 г., число переданных в семьи детей-сирот увеличилось в три раза¹¹. Среди них усыновлённые дети составляли меньшинство (13%), в основном воспитанников брали в семьи в порядке опеки (41%) и патронирования (46%).

⁷ Там же, л. 15–16.

⁸ Там же, л. 72.

⁹ Подробнее об устройстве детей-сирот в годы войны и послевоенное время см.: Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот... С. 127–136.

¹⁰ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1533, л. 57.

¹¹ Там же, л. 111.

Таким образом, почти половина устроенных в семьи сирот находилась на патронате, который возлагал на попечителя минимальные обязательства по содержанию ребёнка и предусматривал небольшую материальную поддержку со стороны государства. Размер ежемесячного государственного пособия на патронируемого ребёнка составлял 50 руб., кроме того, ему полагался комплект одежды и обуви, которым его должны были обеспечить местные органы власти (городские и районные исполкомы). В сельской местности патронирование осуществлялось через кассы взаимопомощи колхозников или непосредственно через колхозы. В РСФСР средний размер ежемесячного «колхозного» пособия в расчёте на одного человека в 1946 г. составлял 14 руб. в денежном выражении и дополнительно 4 руб. 43 коп. – продуктами¹². Патронируемые и опекаемые дети, переданные в приёмные семьи в сельской местности, до сентября 1946 г. получали хлебный паёк, что служило небольшим, но дополнительным материальным стимулом для их попечителей.

Благодаря такой системе в условиях нехватки мест в детдомах десятки тысяч сирот в короткие сроки обрели крыши над головой и были спасены от голодной смерти. Однако размер государственной поддержки и материальный ресурс приёмных семей часто не могли служить гарантией от нищеты. Организованная в 1946 г. соответствующая проверка в 39 областях, краях и автономных республиках РСФСР показала, что большинство детей, переданных под патронат и опеку, находились в тяжёлом материальном положении: «несмотря на любовь и заботу, проявляемую к осиротевшим детям семьями... условия жизни детей до сего времени ещё крайне неблагоприятные, недостаток питания, одежды, обуви и белья сказывается на их развитии и состоянии здоровья»¹³. 136 тыс. таких сирот (39% всех живших в приёмных семьях) оказались в освобождённых областях, находившихся ранее под оккупацией. Их положение было особенно тяжёлым: «большинство из них находятся в крайне неблагоприятных условиях, живут в землянках... многие из них не учатся, нищенствуют»¹⁴. Из-за нехватки одежды и обуви эти дети часто не посещали школ. Находившиеся на патронате формально считались «устроенными», но по условиям и уровню жизни мало чем отличались от беспризорников, терпели лишения и жили в нищете. Война сделала «неустроенными» целые семьи – ситуация, повторявшаяся в тысячах семейных и личных историй.

Так, в Молотовской обл. на станции Комарихинской жила семья Медведевых – мать, отец и пятеро малолетних детей. Отец ушёл на фронт. В 1943 г. мать и один ребёнок умерли, четверо остались без помощи, в том числе и без государственного пособия, положенного семьям военнослужащих. Отдел государственного обеспечения «просто» перестал его выплачивать, ссылаясь на то, что «никто со смертью матери за пособием к ним не обращался». Дети жили нищенством. О бедственном положении семьи каким-то образом узнал отец, получил отпуск от командования и отправился домой – спасать детей. Когда в областном отделе народного образования узнали о приезде Медведева, детям сразу нашли места в детском доме¹⁵.

Другие их сверстники, оказавшиеся в сходной ситуации, так и не смогли дожидаться помощи. Тыловой г. Молотов, весна 1944 г.: «В городе зарегистриро-

¹² Там же, д. 1532, л. 96–97.

¹³ Там же, л. 112.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, д. 1508, л. 154.

ваны десятки случаев, когда беспризорные дети-сироты остаются буквально на улице и вынуждены заниматься нищенством и воровством. Рая Гущина, 8 лет, не имеющая ни отца, ни матери, живёт на улице. Панфилова Вера, 13 лет, отец на фронте, мать умерла, при опросе в деткомнате рассказала: «Мы с братом Борей питались нищенством. Сегодня при выпрашивании хлеба у магазина меня задержали». Лаптевы Нина, 7 лет, и Толя, 9 лет – отец на фронте, мать умерла, живут на улице. Подобных фактов Молотовским гороно за 9 дней марта месяца с.г. было зарегистрировано 28»¹⁶.

По логике за регистрацией факта нищенства должна была следовать помощь нуждавшимся детям, однако на практике так оказывалось не всегда. В справке по г. Молотову читаем, что в отношении сирот горисполком, несмотря на наличие средств по бюджету, «мер никаких не принимает». Руководители этого органа власти, уверяя, что у них нет мест для сирот в детских учреждениях, в то же время отдали новое помещение детского сада под квартиры для рабочих завода¹⁷. Завод оборонный, а дети – вроде «ничи».

«Отец на фронте, мать умерла, живёт на улице» – в эту фразу могли бы уместиться тысячи детских военных судеб. В официальных бумагах всё выглядело не так плохо: например, по данным Рубцовского района, в Алтайском крае летом 1944 г. в районе числились 68 сирот, из них 21 ребёнка направили в детские дома, 12 – в совхоз, а остальных 35 – определили в школы Фабрично-заводского обучения (ФЗО). Однако в ходе проверки выявили «неучтённых» сирот, судьбой которых никто не интересовался: «в результате дети вынуждены ходить по деревням и добывать себе пропитание нищенством»¹⁸. В колхозе им. ВЦИК этого района обнаружили мальчика по фамилии Сергеев: «живёт один, обуви и одежды не имеет, живёт нищенством». В том же колхозе сироты Володя и Вера Панковы нашли приют у своей тётки, которая оформила над ними патронат. Но тётка умерла и дети оказались предоставлены самим себе, поскольку председатель сельсовета посчитал их устройство «не своим делом».

Не лучше складывалась судьба осиротевших детей и в других районах Алтайского края: «В селе Боровлянка живёт много детей-сирот. Например, дети-сироты Пузановы в возрасте 10, 6 и 3 лет живут одни, в своей комнате, обуви не имеют, дети раздеты, живут преимущественно нищенством. В Тальминском районе имеется 179 детей-сирот, родители которых в большинстве погибли на фронтах Отечественной войны. ...72 ребенка переданы на содержание колхозам, остальные находятся в беспризорном состоянии, без всякого наблюдения и помощи»¹⁹.

Сценарии выживания

Как свидетельствовали документы, в наиболее уязвимом с точки зрения социальной защиты положении оказывались дети, жившие в сельской местности, где ресурс социальной помощи был минимальным, а контроль государственных органов – эпизодическим и выборочным. Таковой оказалась ситуация с устройством сирот в тыловых районах. По мере того как война уходила дальше на запад, становился очевидным масштаб разрушений, а вместе с тем неизбеж-

¹⁶ Там же, л. 159.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 7.

¹⁹ Там же.

но расширялся состав группы риска: теперь в неё попадали не только сироты, но и дети, имевшие родителей.

Жители освобождённых от немецкой оккупации областей России – Брянской, Смоленской, Новгородской, Великолукской, Псковской – часто возвращались «на пепелище»: ни дома, ни огорода, ни скота – жить негде, кормиться нечем. В Брянской обл., например, в 1945 г. люди обрабатывали землю вручную, площадь посева была незначительной, урожай собрали низкий, много семейств осталось без хлеба и овощей. В результате целые семьи уезжали за хлебом и на заработки на Украину и в другие советские республики. Взрослые члены семей возвращались домой, а детей оставляли на месте – чтобы нищенствовали²⁰.

В Брянске сотрудники милиции задержали троих детей – Васю, Ваню и Нину Дроздовых, старшему 11 лет, а младшей – 5. В городе их оставили родители, уехавшие на Украину «за хлебом». До своего возвращения они велели детям заниматься попрошайничеством. Родные же Пети и Маши Малаховых, Вити и Мани Васиных «поехали на работу», а детей посадили на поезд и отправили в Брянск – «устроиться в детдом»²¹.

Последний «сценарий» как способ выживания являлся типичным, при этом дети должны были скрывать, что у них есть родители, потому что на государственное обеспечение принимали только сирот. Например, в Смоленском детском приёмнике-распределителе за 8 месяцев 1946 г. зафиксировали 75 случаев, когда воспитанники скрывали, что у них есть родители²². Случалось, что родители приводили своих детей в детские учреждения, чтобы устроить их «на время»: так, в Бежецкий детприёмник пришла мать с тремя детьми и попросила принять их «до осени», потому что в деревне не может их прокормить²³. Иногда родители подкидывали своих чад в детприёмники и детские дома (самый надёжный, как им казалось, способ «устройства»), а сами скрывались²⁴.

Эта стратегия выживания часто имела только одну альтернативу – нищенский промысел. Родители посылали детей «за хлебом», на самом деле речь шла о попрошайничестве: малолетние вызывали больше сочувствия, им охотнее и чаще подавали. На железнодорожной станции Дятьково Брянской обл. в апреле 1946 г. задержали пятерых детей из деревни Васильевка, в возрасте от 4 до 14 лет. Их на станцию привела мать, заявившая сотрудникам милиции, что отправила их в Брянск «просить хлеб», чтобы те «не умерли с голода». Ещё четырёх малолетних путешественников сняли с поезда уже в Брянске – их родители отправили «просить хлеб» в соседнюю Белоруссию. Мотив тот же: «дома нечего кушать»²⁵.

В поисках пропитания из опустошённых войной деревень уходили целыми семьями. В мае 1946 г. в Брянске задержали двоих детей, просивших милостыню. Вскоре нашлась их мать – ходила по домам, мыла полы и стирала бельё «за продукты», а дети тем временем попрошайничали²⁶.

За лаконичными строками милицеских отчётов можно увидеть реальные масштабы военного бедствия. Труднее всего было многодетным семьям,

²⁰ ГА РФ, ф. Р-9412, оп. 1, д. 78, л. 3.

²¹ Там же, л. 5.

²² Там же, д. 85, л. 14.

²³ Там же, д. 78, л. 3–4.

²⁴ Там же, л. 6.

²⁵ Там же, л. 3–4.

²⁶ Там же.

проживавшим в сельской местности и оставшимся без кормильца. В деревнях Псковской обл. таких семей оказалось немало: «Гр. Алексеева Анастасия Павловна... имеет на своём иждивении двоих детей, сама больна туберкулёзом. Дети больны дистрофией, опухли от систематического недоедания. Существуют на хлебные карточки, выданные детям по 200 грамм в день. Проживает в полуразрушенной бане, муж погиб на фронте в 1943 г.

Гр. Павлова Анастасия Ивановна... имеет на иждивении 5 человек детей от 5 до 15 лет, истощённых на вид, оборванных, не имеющих обуви. Существуют нищенством. Муж погиб на фронте.

Гр. Иванова Анна Ивановна... прибыла в сентябре 1945 г. из Германии с двумя сыновьями 11 и 13 лет. Питаются хлебом, смешанным пополам с льняной мякиной. Дети имеют истощённый вид, одеты плохо. Муж служит в Красной Армии»²⁷.

В Псковской обл. социальные проблемы обострились из-за постоянного притока населения: если на 1 января 1945 г. всего там проживали 465 752 человек, то через год – 625 757, из них 206 096 детей. «Прибывающее в область население материально не обеспечено, часть из него ещё не определило своё постоянное место жительства, и не только дети, но и взрослые прибегают к нищенству», – сообщал в Москву начальник областного Управления МВД. Аналогичным образом складывалась ситуация в соседней области – Новгородской. Стратегии выживания их жителей были теми же, что использовались населением других освобождённых от оккупации районов: везде широко распространилось нищенство, как и поездки в более благополучные места – за продуктами и на заработки. Но траектории передвижения были разными: если жители Брянщины устремлялись на Украину и в Белоруссию, то население Псковской, Новгородской, Великолукской областей – в прибалтийские республики.

Траектории движения: Прибалтика

Весной 1946 г. «хлебная миграция» на территорию прибалтийских республик увеличилась почти вдвое по сравнению с зимними месяцами. В апреле–июне в Псковской обл. (особенно на станциях Псков, Остров, Дно, Печора) задержали – на проходивших поездах и привокзальных рынках – 1 619 детей и подростков. Задержанные так объясняли причины своих «путешествий»: «у них нет хлеба», «а поэтому меня мама послала в Эстонию и Латвию купить или заработать хлеба и привезти домой»²⁸.

Многие дети курсировали туда и обратно не один раз. Так, 26 декабря 1946 г. на станции Псков сотрудники милиции сняли с двух поездов, следовавших в Латвию и Эстонию, 8 подростков из Новгородской обл. Как выяснилось, семеро из них не были новичками на этом маршруте²⁹. 11-летний Пётр Николаев давно занимался выездным «хлебным бизнесом» и был фактически кормильцем в семье. Кроме него, на иждивении матери находилось ещё двое детей, а отца не было. Несмотря на возраст, Петя ходил только в первый класс – не редкость, а скорее правило для тех, чьё детство пришлось на военные годы. Но школу мальчик бросил и стал регулярно ездить с матерью в Латвию за хлебом. По железной дороге передвигался он вполне самостоятельно, выступая в роли

²⁷ Там же, д. 84, л. 18–19.

²⁸ Там же, л. 22.

²⁹ Там же, л. 68.

«челнока», когда мать находилась в Латвии. На вопрос сотрудника милиции, почему он бросил школу, мальчик заявил, что учиться дальше не хочет и работать в колхозе тоже: там заработок семьи, по его словам, составил 4 пуда зерновых за весь 1946 г., тогда как в Латвии он смог заработать больше и быстрее³⁰.

Дети и подростки, прибывавшие в прибалтийские республики, делились на две категории. Одни приезжали, как правило, с ведома родителей на «заработки» – устраивались на хутора, покупали продукты или добывали их попрошайничеством (местное население называло их «мешочниками»), других гнала в этот относительно «сытый» край исключительная нужда. Среди них было много сирот, стремившихся закрепиться на новом месте – устроиться в детский дом или найти работу, но чаще они жили нищенством. Согласно отчетным документам детприёмника НКВД Эстонской ССР, поступающие туда «очень плохо одеты и обуты, даже в период зимы дети не имеют нательного белья, а верхняя одежда крайне изношена и имеет неприглядный вид». При этом отмечалось, что хуже всего выглядели малолетние жители Псковской обл.³¹

К концу 1945 г. находившиеся в Латвии, Эстонии и Литве детские приёмники оказались переполненными, поэтому их сотрудники пытались отправить детей обратно – по месту жительства, но те часто называли другие фамилии, утверждали, что у них нет родителей, и использовали любую возможность, чтобы остаться. Некоторые получали на этот счёт довольно точные инструкции, поскольку приезжали по письмам уже устроившихся ребят³². Однако закрепиться в Прибалтике удавалось далеко не всем.

Кроме цели приезда, беспризорные и безнадзорные дети в республиках этого региона делились ещё на две неравные категории – «свои» (уроженцы Латвии, Литвы и Эстонии) и «чужие» (приезжие). «Своих» было совсем немного. Например, в Латвии из 1 605 детей и подростков, поступивших в приёмники с ноября 1944 по декабрь 1945 г., «чужих» оказалось 1 406 (87,6%)³³, в Литве в 1945 г. среди 3 387 человек аналогичной категории было только 168 «своих» (5%)³⁴.

Это не значит, что прибалтийских республик не коснулась проблема сиротства, но по существовавшим там протестантской и католической традициям родственники разбирали «своих» сирот или им довольно быстро находили опекунов³⁵. К «чужим» относились по-другому, хотя и им здесь пытались помочь, как могли. Например, в Латвии подростков, оставшихся без родителей, устраивали в ремесленные училища и школы ФЗО, кто хотел, мог работать в промышленности и сельском хозяйстве. В более трудном положении оказывались воспитанники детских домов: их сотрудники часто не говорили по-русски, а дети не знали местного языка, поэтому убегали оттуда³⁶. В Литве из 40 имевшихся в 1946 г. детдомов только два (всегда переполненные) предназначались для русских детей³⁷. Языковой барьер также являлся причиной побегов русских подростков из местных ремесленных училищ и школ ФЗО.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, д. 27, л. 308.

³² Там же, л. 138.

³³ Там же, л. 137.

³⁴ Там же, л. 147.

³⁵ Там же, л. 137.

³⁶ Там же, л. 139.

³⁷ Там же, л. 148.

Как свидетельствуют данные о задержанных в Прибалтике беспризорных и безнадзорных детях, основной их поток пришёлся на Литву. Объясняется это просто: дети, в основном подростки, часто использовали её территорию как транзит на пути к главной цели – Восточной Пруссии. Туда после войны ехали не от нужды, а за «трофеями». На обратном пути наиболее удачливых «снимали» с поездов с «добычей» – мешками с продуктами, одеждой и обувью³⁸. Но большинство «охотников» до цели не добиралось, в том числе и благодаря усилиям железнодорожной милиции.

Мечта о немецких «трофеях» нередко оказывалась лишь мифом. Навстречу таким искателям обратным потоком ехали и шли в Литву их сверстники из Восточной Пруссии – немецкие дети-переселенцы, лишившиеся семей и домов. Их называли «волчатами» («Wolfskinder»). Голодные и плохо одетые, они мало отличались от русских собратьев по несчастью, прибывших в Литву с той же целью – поиска работы, а если не повезёт, – нищенства. Впрочем, работу тоже приходилось выпрашивать. Литовцы рассказывали, как голодной зимой 1946/47 г. бездомные немецкие и русские дети вместе бродили от хутора к хутору в поисках пропитания³⁹.

Голод 1946–1947 гг. и нищенство детей

Голод 1946–1947 гг. обрушил в нищету многие семьи, оказавшиеся в пораженных засухой районах⁴⁰. Как всегда, большее всего несчастье ударило по детям. Ещё в сентябре 1946 г., когда в связи с неурожаем в ряде регионов СССР обозначились первые признаки продовольственного кризиса, с пайкового снабжения было снято несколько категорий населения, проживавших в сельской местности, среди них – дети, находившиеся в приёмных семьях под патронажем и опекой. В результате начался массовый отказ от таких детей⁴¹, и, лишившись попечения, они оказывались один на один с голодом.

Зимой 1946 г. и особенно весной 1947 г. милицейские сводки и инспекторские проверки констатировали резкий рост детской беспризорности. В 1945 г. через приёмники-распределители прошли 275 961 детей и подростков, в 1946 г. – 285 570, следующий год дал рекордную цифру – 426 919 человек⁴². По более поздним, уточнённым, данным количество детей и подростков, прошедших через детприёмники в «голодном» 1947 г., выросло почти до полумиллиона человек.

Из охваченных голодом районов беспризорные дети устремлялись в области и города, где надеялись добыть пропитание. За второе полугодие 1946 г., по сравнению с первым, их число увеличилось: по Татарской АССР – с 318 до 3 217 человек, по Куйбышевской обл. – с 208 до 525, по Башкирской АССР – с 807 до 1 699, по Краснодарскому краю – с 1 370 до 2 548 человек. При этом речь шла только о задержанных милицией, в действительности их было больше. В Рязанской обл. 62% всех задержанных беспризорников занимались попрошайничеством. В Москве число задержанных за нищенство детей за пол-

³⁸ Там же, л. 148, 149.

³⁹ Kibelka R. Op. cit. S. 39–45.

⁴⁰ О нищенстве в связи с голодом 1946–1947 гг. см. подробнее: Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 216–235.

⁴¹ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1532, л. 96; д. 1533, л. 112.

⁴² ГА РФ, ф. Р-9412, оп. 1, д. 147, л. 411.

года выросло в два раза (1 067 человек в первом полугодии 1946 г. и 2 319 – во втором)⁴³, в 1947 г. их стало уже 11 937 – почти в 4 раза больше, чем в предыдущем году⁴⁴.

Часто просить милостыню детей заставляли родители. Иногда последние с целью избавиться от своих чад оставляли их на улицах, вокзалах, около детских учреждений или милиции. Случалось, что таким образом подбрасывали сразу двоих–троих детей из одной семьи, а с ними – записки, подобные следующей: «Кормить нечем, что хотите, то с ними и делайте». В некоторых таких посланиях имелись только имя, фамилия и год рождения ребёнка. В Крымской обл. были зарегистрированы 52 случая оставления детей, в Воронежской – 15. В Латвии только за февраль 1947 г. подобрали 49 брошенных родителями детей, как правило, прибывших из соседних «голодных» областей – Псковской, Смоленской и Великолукской. Из прошедших в тот год через детприёмники 426 919 детей 73 450 были оставлены/подброшены родителями⁴⁵.

За военные и первые послевоенные годы многие дети приобрели устойчивую привычку к нищенству и бродяжничеству. Однажды «пустившись в бега» или начав нищенствовать от нужды, они постепенно становились частью маргинального сообщества, перенимая его нравы, обычаи, способы общения с «внешним» миром. Со временем поток беспризорных и безнадзорных детей, колесивших по стране в разных направлениях, уменьшился. Произошло это в силу нескольких причин: часть из них устроили в детские учреждения, ремесленные училища или на производство; постепенно терял остроту продовольственный кризис, поэтому уменьшались риски «голодного» нищенства и бродяжничества. Вместе с тем сокращение числа беспризорников на транспорте было связано и с принятием довольно жёстких административных мер, в том числе организацией «заслонов» на железных дорогах, препятствовавших передвижению и концентрации беспризорных и безнадзорных детей, особенно в крупных городах. Хотя, несмотря на эти меры, ещё в 1948 г. движение самовольных и вынужденных «путешественников» на транспорте оставалось довольно интенсивным. Так, за первые шесть месяцев 1948 г. сотрудники охраны МГБ на железнодорожном и водном транспорте задержали 100 955 беспризорных и безнадзорных, из которых 21 384 занимались нищенством. Проверка установила, что из дома они ушли «вследствие тяжёлого материального положения семей»⁴⁶.

Проблема нищенства детей и подростков долго оставалась острой и для Москвы. За первые три месяца 1948 г. там задержали 2 150 человек⁴⁷. Некоторые дети из бедных московских семей занимались попрошайничеством систематически. Например, в семье Пустоваловых трое детей – 9, 11 и 12 лет – кормились, собирая милостыню. При проверке условий их жизни выяснилось, что в школе они не учились, бытовые условия семьи были тяжёлые: «комната сырая, тёмная, дети разуты, раздеты». В состоявшей из шести человек семье Поярковых росли четверо детей в возрасте от 9 месяцев до 10 лет, но работал лишь отец. Его заработок (300 руб.) не позволял обеспечивать семью, поэтому все старшие дети занимались нищенством. На иждивении другой многодет-

⁴³ Там же, ф. Р-8131, оп. 37, д. 3540, л. 2.

⁴⁴ Там же, ф. Р-9412, оп. 1, д. 147, л. 242.

⁴⁵ Там же, л. 411.

⁴⁶ Там же, ф. Р-5446, оп. 51а, д. 5292, л. 12–13.

⁴⁷ Там же, ф. Р-9412, оп. 1, д. 147, л. 242.

ной матери, брошенной мужем и потерявшей работу (её уволили с завода «по сокращению штатов»), находились шестеро. Сотрудники милиции, посетившие эту семью, обнаружили такую картину: «Комната находится в полуразрушенном состоянии, материальное положение семьи исключительно тяжёлое, вследствие чего дети систематически нищенствуют»⁴⁸.

Всего в результате обследования условий жизни детей, занимавшихся нищенством, по 10 районам Москвы выявили 137 семей, нуждавшихся в неотложной помощи (по официальной терминологии, «впавших во временную нужду»). В районных отделениях милиции были составлены и направлены в районные исполкомы надлежащие акты. Однако спустя несколько месяцев после этого власти оказали помощь только 42 семьям, каждая из которых получила единовременное денежное пособие в размере 100–150 руб., талоны на дрова, одежду и обувь; часть детей устроили в школы, детские сады и ясли. Тем не менее в некоторых райисполкомах акты обследования условий жизни могли долго лежать без движения, а в необходимой помощи нуждавшимся семьям отказывали, традиционно ссылаясь на отсутствие бюджетных средств⁴⁹.

Комиссия М.Ф. Шкирятова: государство или семья?

На начавшийся осенью 1946 г. в связи с продовольственным кризисом рост детского нищенства более пристальное внимание обратили высокие партийные и государственные инстанции. 15 ноября по инициативе ЦК ВЛКСМ вопрос о детской беспризорности рассматривался секретариатом ЦК ВКП(б). В результате принятого им постановления была создана специальная комиссия «для принятия единовременных и неотложных мер по устройству детей-сирот»⁵⁰ во главе с заместителем председателя Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятовым. В комиссию вошли представители ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, МВД, министерств просвещения, здравоохранения и других ведомств, ответственных за детские учреждения, решавших вопросы профилактики детской беспризорности и безнадзорности. Аналогичные комиссии в областях, краях и республиках работали в январе–марте 1947 г. (во время «пика» голода). Всего проверили 3 729 детских учреждений, в том числе 3 368 детских домов, 224 дома ребёнка и 137 детских приёмников МВД⁵¹. В конце 1946 – начале 1947 г. в стране числились 3 568 детских домов, 524 дома ребёнка и 336 приёмника-распределителя для беспризорных и безнадзорных детей. Таким образом, была проведена своего рода тотальная «инвентаризация» детских учреждений. Не остались в стороне и дети, находившиеся в приёмных семьях на патронате и под опекой, до того «выпадавшие» из поля зрения контролирующих структур.

На 1 декабря 1946 г. в РСФСР численность неуроченных детей-сирот оценивалась в 21 тыс. человек⁵², причём речь шла об учтённых детях, всего же нуждавшихся в помощи было, несомненно, больше. Осенью 1946 г. местные органы власти отмечали, что усилился приток детей, находившихся на патронате, от которых отказались приёмные семьи в связи со снятием их с хлебного

⁴⁸ Там же, л. 247–248.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1532, л. 20.

⁵¹ Там же, л. 21.

⁵² Там же, д. 1533, л. 57.

пайка и малым размером денежного пособия⁵³. Тот год стал кризисным для патроната как формы устройства детей-сирот. Очевидно, что некоторые приёмные семьи, жившие на грани бедности, оформляли патронат не столько в целях заботы о сиротах, сколько для получения дополнительных доходов, хотя и весьма скудных. Патронируемые дети в таких семьях часто находились в бедственном положении, что констатировали результаты этой и других проверок.

Местные органы власти иногда увеличивали размер пособия: в Москве, например, вместо 50 руб. на патронируемого ребёнка выплачивали 75 руб. «Выгоднее» при этом было брать малолетних детей – до четырёх лет. На них пособие, доходившее до 300 руб. в месяц, выплачивало Министерство здравоохранения. «Такое завышение пособия, – говорилось в одном из итоговых документов комиссии Шкирятова, – приводит к фактам, когда отдельные лица берут на воспитание детей в целях наживы»⁵⁴.

«Министерство здравоохранения встало на путь массовой раздачи детей», – так оценивали практику повышения пособия проверявшие⁵⁵. По закону патронируемых детей надлежало устраивать в дома ребёнка, находившиеся в ведении того же министерства. Отдавая детей в семьи, оно снимало с себя ответственность за их содержание, и упреки комиссии в этой части кажутся вполне справедливыми. Остаётся только вопрос, какой вариант устройства – в приёмную семью (хотя бы в форме патроната) или в дом ребёнка – больше учитывал интересы самого воспитанника? Детские психологи, как известно, настаивают на приоритете семейного воспитания. Положение детей в советских домах ребёнка давало не так много аргументов в пользу такой формы попечения о сиротах, кроме одного: когда другой альтернативы для выживания просто не существовало.

В домах ребёнка находились дети от рождения до четырёх лет (большинство из них – от одиноких матерей). Доля последних по 49 учреждениям, расположенным в больших городах, в 1946 г. составляла 55%⁵⁶. 35–40% детей приходилось на малышей первого года жизни, причём тогда же наблюдался существенный рост их числа: в ряде городов (и в Москве) доля детей этой категории достигала 70%⁵⁷. Для таких воспитанников требовались особый уход и специальное питание. Но почти во всех домах ребёнка снабжение молочными продуктами оставалось неудовлетворительным – детей не обеспечивали в необходимом объёме не только грудным, но и коровьим молоком.

Летом и осенью 1946 г. в домах ребёнка увеличилось число «подкидышей». По заключению врачей, это были «дети ослабленные, больные, с большим отставанием в весе, в большинстве своём они травмированы подкидыванием». Из 175 малышей, которые в 1946 г. «прошли» через московский карантин-распределитель, только 15% были признаны здоровыми. Шанс на выживание в доме ребёнка (с учётом всех условий существования) у ослабленных младенцев оставался небольшим. В 1946 г. смертность детей до года в данных учреждениях достигала 52%⁵⁸.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, л. 197.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, л. 96.

⁵⁷ Там же, л. 95.

⁵⁸ Там же, л. 96.

В Минздраве констатировали: «Дети, поступающие в дома ребёнка, представляют тяжёлый контингент, требующий индивидуального ухода»⁵⁹. Воспитанников стали передавать на патронат. Успешнее всего дела пошли на Украине, а также в Москве и Минске, где были приняты специальные решения об увеличении ежемесячного пособия на патронируемого ребенка до 300 руб. и о его обеспечении одеждой и продуктами питания по установленным нормам. Минздрав в поддержку своей инициативы приводил и экономические аргументы: содержание ребенка на патронате обходилось государству в три раза дешевле, чем в учреждении⁶⁰.

Действительно, решить часть проблемы позволяло повышение размера пособия на патронируемых детей-сирот, «закреплённых» в приёмных семьях. Этот опыт был, по-видимому, вполне удачным, поскольку предложения об увеличении такого пособия до 250–300 руб. выдвигались неоднократно, поддерживали его и члены комиссии Шкирятова. Случаи отказа от детей, взятых на патронат, как правило, происходили в семьях, получавших положенные по закону 50 руб. в месяц. Увеличение выплат до 300 руб. при условии сохранения за патронируемыми хлебных карточек, обеспечения их одеждой и обувью могли спасти патронат как форму устройства детей в приёмные семьи⁶¹. Однако предложения об увеличении пособия так и не были приняты. Между тем положение сирот в домах ребёнка оставалось большой проблемой – особенно актуальной в стране, где приоритетными являлись государственные формы воспитания и опеки.

Основной формой устройства сирот оставался детский дом, где находились дети от 4 до 14 лет. Несмотря на то, что по сравнению с довоенным временем в декабре 1946 г. сеть этих учреждений увеличилась вдвое, мест в них для всех нуждавшихся по-прежнему не хватало. Детдома принимали новых воспитанников, «уплотняя» остальных. В результате, как признало Министерство просвещения РСФСР, в ведении которого находились детские дома, во многих из них создалось «совершенно нетерпимое положение»⁶². При установленной государственной норме в 3 кв. м на ребенка в спальне фактически средняя норма по РСФСР составляла 1.9 кв. м, а иногда – и того меньше: в Псковской обл. – 1.5, Алтайском крае – 1.3, Горьковской обл. – 1 кв. м на человека⁶³. Точно так же не соблюдались нормы питания – снабженческие организации заменяли полноценные продукты на менее питательные и суррогаты. То, что поступало, далеко не всегда доходило до детей и разворовывалось нечистым на руку персоналом⁶⁴. Не хватало одежды, обуви, мебели, посуды. Одно пальто и одна пара обуви на несколько человек – картина, привычная для воспитанников многих детских домов. Плохое материально-бытовое положение стало одной из главных причин побегов детей из детских домов. В 1946 г. из пяти таких учреждений Томской обл. бежали 20 воспитанников, в Молотовской обл. было заре-

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, л. 96–97.

⁶¹ Постепенно патронат, введённый в 1936 г., стал уступать место другим формам устройства детей в приёмные семьи – усыновлению и опеке. В 1953 г. на патронате находились 28.4% детей, устроенных в приёмные семьи, в 1968 г. патронат был отменён (*Зезина М.Р.* Социальная защита детей-сирот... С. 131).

⁶² РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1533, л. 57.

⁶³ Там же, л. 57–58.

⁶⁴ Информация о хищениях в детских домах поступала постоянно. См., например: Там же, л. 36.

гистрировано 228 побегов, из шести детдомов, расположенных в Саратовской обл., бежали 98 человек⁶⁵.

По странной, но устойчивой традиции детдома открывались в глубинке, оторванной от «большого мира», обрекая воспитанников на жизнь в изоляции, вдали от культурных центров. Помимо этого – создавались проблемы со снабжением этих учреждений, особенно в период распутицы. В РСФСР 699 детских домов располагались в 50 км от районных центров, 120 – в 100, 228 – в 150, 192 – в 200 и 94 – в 300 км⁶⁶.

Существовали ещё и детдома для детей-инвалидов. В РСФСР в 1946 г. насчитывалось 63 таких дома (4 319 воспитанников), из которых два предназначались для детей, получивших инвалидность в результате военных действий. Детские дома для инвалидов находились в особенно плачевном состоянии: расположенные в старых зданиях, совершенно не приспособленных для людей с ограниченными возможностями, они часто не имели водопроводов, канализации, электричества и освещались керосиновыми лампами⁶⁷.

Рост детской беспризорности и безнадзорности в первые послевоенные годы в качестве главной причины имел, безусловно, военный след. Однако чем дальше в прошлое отодвигалась война, тем очевиднее становились проблемы, связанные с организацией системы социальной защиты нуждавшихся детей, в их числе – состояние детских учреждений и неэффективность используемых практик профилактики беспризорности. Как справедливо заметила Зезина, система социальной защиты детей-сирот была ориентирована не на предупреждение сиротства, а на борьбу с его отрицательными последствиями⁶⁸. Вопросами профилактики детской безнадзорности и беспризорности чаще всего вообще не занимались, делая ставку на административный ресурс и рутинные бюрократические процедуры устройства детей, лишённых родительской опеки. Это позволило сотням тысяч сирот выжить в экстремальной ситуации военных лет и в голодные послевоенные годы, но качество и масштабы социальной помощи оказались совершенно недостаточными, чтобы травмированные войной дети чувствовали себя на равных со сверстниками с более счастливой судьбой и на равных с ними смогли адаптироваться к мирной жизни.

⁶⁵ Там же, л. 37.

⁶⁶ Там же, л. 58.

⁶⁷ Там же, л. 38.

⁶⁸ Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот... С. 130.